

И.И. Панаев

Сочинения

Иван Панаев

Онагр

«Public Domain»

1841

Панаев И. И.

Онагр / И. И. Панаев — «Public Domain», 1841

«Раз, два, три... *chasse en avant!*...Скрипка завизжала. Молодой человек лет двадцати шести, среднего роста, худощавый, с большими глазами навывкате цвета потускневшего олова, с светлыми и редкими волосами до плеч, в плисовом сюртучке, в шелковых полосатых чулках и лакированных башмаках, – выставил правую ногу и двинулся вперед, потряхнув плечами...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иван Иванович Панаев

Онагр

Онагр находится ныне особливо в Татарии, откуда он многочисленными стадами заходит к Индии и Персии. Животное сие бежит чрезвычайно прытко, довольствуется негодною для корма других животных травою; от него происходит ручной или домашний осел. Вывоз на племя ослов в Испанию запрещен под смертною казнию. «Руководство к Естественной истории» Blumenбаха, переведенное географии учителями Петром Наумовым и Андреем Теряевым

Глава I

Утро Онагра. – Любопытный разговор в кондитерской. – Удивительный человек и очаровательная женщина

Раз, два, три... *chasse en avant!*...

Скрипка завизжала. Молодой человек лет двадцати шести, среднего роста, худощавый, с большими глазами навывкате цвета потускневшего олова, с светлыми и редкими волосами до плеч, в плисовом сюртучке, в шелковых полосатых чулках и лакированных башмаках, – выставил правую ногу и двинулся вперед, тряхнув плечами...

Танцевальный учитель улыбнулся нежно, подошел к своему ученику с грацией, взял его за обе руки, носком своего башмака начал расправлять его ноги и заставил его снова повторить шассе. И скрипка снова завизжала... Стенные часы в комнате молодого человека пробили одиннадцать; скрипка спряталась в футляр, танцевальный учитель сделал три шассе вперед, раскланялся, принял от своего ученика карточный билетик, с достоинством балетного героя, и на цыпочках выскользнул в переднюю.

– Гришка, завиваться! – закричал молодой человек. Через пять минут Гришка, в засаленном сюртуке, с сережкой в ухе, с гребенкой в масляных волосах и с круглыми щипцами в руке, явился перед баринком. Гришка воспитывался в цирюльне на Гороховой, в той самой цирюльне, на окне которой золотыми буквами начертано: «Зало для стришки и завифки волос цена 20 ко. се. И выбрать».

Барин развалился на стул перед зеркалом, замурлыкал что-то из «Фенеллы», закинул назад растрепанную голову, и Гришка приступил к своей должности. Три раза охлаждались и три раза раскалялись щипцы; голова барина покрывалась завитками; барин только изредка поморщивался и вскрикивал: «Больно, болван!»

По окончании завивки Гришка отворотил бесконечные рукава сюртука своего, подшитые посконной холстиной, растер на грязных ладонях пятирублевую помаду *violette* и принялся отделывать голову барина.

– Гришка! помадь пожирнее, да виски фиксауаром натри, – говорил барин.

Весь в завитках, смотрясь в зеркало и прищуриваясь, барин начал прохаживаться в своем кабинете между стульев и пощелкивать языком.

Комната эта не большая и не маленькая: ярко-пунцовые занавески на окнах, небольшое зеркало на ножках в виде трюмо, мебель двадцатых годов, но расставленная в современном беспорядке; на стенках соблазнительные картинки, дурно литографированные и еще хуже раскрашенные, в пестрых рамках... Везде торчат чубуки, на полу – табачный пепел, на письменном столе – вторая часть какого-то французского романа.

Барину наскучило ходить; он зевнул, протянулся на диване и закричал:

– Гришка!

Гришка явился.

– Трубку!

Барин стал пускать дым кольцами. Это заняло его на несколько минут.

– Гришка!

– Чего-с?

– Тепло сегодня?

– Средственная погода-с.

– Я надену пальто с бобровым воротником. Слышишь?

– Слушаю-с...

Барин встал с дивана и подошел к окну. Он потянулся и подумал: «Куда бы ехать?» Потом он начал опять щелкать языком:

– Гришка, афишку!

В четвертый раз барин принялся перечитывать афишку.

«Какой бы жилет мне надеть сегодня, – думал барин, – пестрый полосатый или черный с лиловыми разводами? Вчера я надевал желтый с бронзовыми пуговицами...»

– Гришка! который час?

– Половина второго-с.

– Врешь. Может ли быть только половина второго? Барин пошел в залу и сам посмотрел на часы.

– Черт возьми, в самом деле, еще только половина второго. Гришка!

– Чего-с?

– Заложить в санки гнедую. Куда бы съездить?..

Гришка!

– Что-с?

– Послушай, вели лучше запречь саврасую.

Барин снова подошел к окну и начал барабанить по стеклу пальцами.

– Гришка, одеваться!..

И вот барин оделся. Его сюртук превосходно обрисовывает его талию: правда, он немножко узок ему и жмет под мышками, но, говорят, модные сюртуки все таковы; булавка с огромным камнем зашлифовывает длинные концы его узорчатого галстука; на бархатном жилете, испещренном шелковыми цветами, висит золотая цепь с змеей, у которой красный глаз под яхонт... Кругом его на десять шагов воздух напитан благоуханием от жасминных духов в соединении с фиалковой помадой. Сверх сюртука он надевает пальто, кончик красного фуляра выпускает из грудного кармана...

Он два раза проехал от Аничкова моста до Адмиралтейства и приказал остановиться у кондитерской... Он очень доволен собой; только одно ему досадно, что черепаховый лорнет никак не держится в его глазе...

«Отчего же он у других держится?..» – подумал молодой человек, вбегая на лестницу кондитерской.

В кондитерских, которые на правой стороне Невского проспекта, проводят время очень весело. Туда господа чиновники из молодых, занимающиеся политикой, оторвавшись от дел, забегают прочесть «Пчелку», залитую шоколадом, и искоса посмотреть на груды слоеных пирожков; там господа офицеры, перевертывая «Инвалид», пьют ликер, затягиваются и гремят шпорами; там скромный негоциант с Васильевского острова, обстриженный под гребенку, лицо бессменное, с изумительным терпением, не развлекаясь ничем, прочитывает от начала до конца неизмеримые столбцы иностранной газеты, выпивает свой обычный стакан кофе и уходит, не удостоив никого взглядом; там много и таких господ, которые осматривают вас с ног до головы и только ищут случая, бог их знает для чего, как бы заговорить с вами, а в ожидании

этого случая любят потолком, расписанным в помпейском вкусе; там есть и такие, которые совершенно на дружеской ноге с содержателями кондитерских, знают все их семейные тайны, называют по именам всех мальчиков, бегающих с подносами, улыбаются Францу, дружески дерут за ухо Карла и кушают пирожки в долг; там бархатные мебели в грязи и в пятнах, зеркала в пыли и в копоти; там бронза без блеска, цветы без запаха, там чад кухонный, смешанный с чадом табачным...

Войдя в кондитерскую, молодой человек прежде всего посмотрелся в зеркало и поправил свои волосы; потом спросил себе шоколаду, потом сел на стул, придвинул к себе «Journal des Debats», оттолкнул от себя «Санкт-Петербургские ведомости», потом он уж и не знал, что ему делать.

К счастью, в эту самую минуту в ближайшей комнате послышался резкий свист. Молодой человек приподнялся, чтоб посмотреть, кто свистит.

Перед ним стоял тоненький, улыбающийся офицер в очках, с белыми эполетами.

– А, мон-шер! – закричал офицер во все горло, так что все читавшие невольно вздрогнули, – бон-жур... Какое на тебе чудесное пальто! и бобер славный! ты мастер одеваться. Вчера мы всё об тебе говорили с Базилем; он ужасно тебя любит. Какой, братец, славный малый Базиль! Мы с ним третьего дня в Екатерингоф на тройке ездили.

– На тройке! – возразил молодой человек, – неужто? я на тройке смертельно люблю ездить... Выпьем-ка шоколаду.

– Гарсон! еще чашку шоколаду, – закричал офицер... – Какие, мон-шер, политические интересные новости... ведь я все французские газеты читаю... Тьера сменили, Гизо всё такие речи говорит... Ну, а ты не был вчера в театре... Ах, как Андреянова протанцевала, мон-шер, сальтарелло с Гридлю – прелесть просто! А-га! да вот и наши театралы собираются.

Офицер обратился к двум вошедшим: статскому маленького роста, бледному, одетому с изысканной простотой, со сморщенным лицом ребенка в английской болезни, с движениями старой кокетки среднего сословия, – и к офицеру с золотыми эполетами, довольно плотному и румяному.

– Здравствуйте, господа, – сказали офицер и статский в одно время, один голосом мужественным и твердым, другой немного в нос, протяжно и с какою-то изнеженностью, не совсем понятною в мужчине.

– Отчего же вы меня причисляете к театралам? – спросил последний, обращаясь к офицеру с серебряными эполетами, – я в театре не бываю так часто и, кажется, не волочусь ни за кем. Мне театры наскучили – я слишком много посмотрелся на парижские и венские театры...

Говоря это, он растирал рукою грудь, как будто чувствовал боль в груди.

– Нет-с, да это я не про вас сказал, – отвечал офицер с серебряными эполетами, – я...

– А! это на наш счет, – перебил офицер с золотыми эполетами, – а! понимаем!..

– Уж конечно, после парижских театров на здешние смотреть не захочется, – продолжал офицер с серебряными эполетами, – я ведь будущей весною поеду и в Париж, и в Лондон, и в Мадрид, везде: меня на казенный счет посылают; ну а если не пошлют на казенный счет, так я на свой поеду. Что ж! я, слава богу, имею состояние хорошее.

– Горькой водки и пирожок! – закричал офицер с золотыми эполетами.

– Сахарной воды! – сказал статский. Мальчик явился с подносами.

Статский взял стакан с водою, отпил немного, поставил его на стол и посмотрел в лорнет на мальчика.

– Какой хорошенький мальчик, – прошептал он, поправляя свой шейный платок, – какое у него приятное выражение в глазах!

– Сядемте, господа, вон к тому столу, – сказал офицер с золотыми эполетами.

Все уселись у стола.

– А знаете ли? сегодня «Сильфида», – продолжал он, – сегодня все наши в Большом театре.

– А ты уж взял себе билет? – спросил офицер с серебряными эполетами.

– Мне нечего, братец, хлопотать о билете. У нас у всех билеты всегда одни и те же... в первом ряду, с правой стороны. Нам нельзя менять кресла.

– Гм! сакристи!.. – значительно воскликнул молодой человек в завитках и в пальто – герой этого рассказа, – у вас Большой театр на откуп. Вы там славно распорядитесь.

– Признаюсь вам, господа, – сказал офицер с золотыми эполетами, – я желал бы, чтоб спектакль продолжался с утра до ночи, только, разумеется, балет, а не другая какая пьеса, – мне это не могло бы наскучить: а то от семи до одиннадцати не увидишь, как и время пролетит.

– Что ж, вы не захотели бы и обедать? – заметил изнеженный статский.

– Почти что так... разумеется, забежал бы в кондитерскую или трактир перекусить чего-нибудь, да тотчас бы опять направо кругом и назад.

– Это для меня непонятно, – сказал статский, прихлебывая сахарную воду, – здешние танцовщицы... они, я думаю, совсем необразованны?

Офицер с золотыми эполетами несколько обиделся и пожал плечами.

– Позвольте вас спросить, что вы называете образованием? По-моему, образование – это вещь такая... о которой всякий... всякий судит по-своему...

– То есть, конечно, все почти они премиленькие, – перебил герой рассказа, – но ведь ни одна из них, верно, не говорит по-французски, особенно фигурантки...

– Фигурантки-то еще поумнее, братец, солисток. Я тебе откровенно скажу, что моя Маша заткнет за пояс всех солисток, сколько их ни есть. Это не девочка, а золото; она почти и не румянится на сцене... У нее чудо какой цвет лица. В «Роберте», в третьем действии, когда они встают из гробов, она уж белится, белится, чтоб казаться бледнее, – нет, кровь у нее так и проступает сквозь белила.

– Все это хорошо; я сам иногда с удовольствием смотрю на танцовщиц, – продолжал герой рассказа, – соблазнительного в них много; зато уж ничего более. С фигуранткой невозможно думать о возвышенной любви; иное дело женщина в обществе, умная, милая вертушка... тут за ней волочишься, ей во французском кадриле или в мазурке немножко пожмешь руку, у нее глаза тотчас разгораются, она отвечает тем же. С женщинами, я вам скажу, надобно иметь только дерзость – это главное: с дерзостью наверное выиграешь. Ведь я испытал все это...

Офицер с золотыми эполетами встал со стула, прошелся по комнате и сказал:

– Актрисы, братец, по-моему, лучше всех ваших светских дам; в актрисах есть что-то такое... особенная какая-то прелесть... К тому же, по-моему, в общество часто выезжать опасно: и сам не заметишь, как очутишься женатым. Я, господа, езжу на балы к ужину: порядочно поужинаешь, поговоришь с приятелями – да и давай бог ноги. Один раз я, однако ж, у Дмитрия Васильевича Бобынина дал промах: только что встали из-за стола, я было за шляпу, а Катерина Ивановна и увидала – и пошла потеха! Я, говорит, не пущу вас, ни за что не пущу, – и начала отнимать у меня шляпу; – вы, говорит, должны танцевать гротеск, надобно побеситься после ужина... Нечего делать – поневоле пустился в пляс; затона другой день Маша задала мне такую гонку, что до сих пор забыть не могу: она у меня преревнивая. – Кто много в свет выезжает, – сказал офицер с серебряными эполетами, – тому беда быть влюбчивым. Я ужасно влюбчив. И Катерина Ивановна это заметила... В прошедший понедельник она мне сказала: «О, я про вас все знаю!» – и погрозила пальцем...

– Катерина Ивановна любезная женщина, – прошептал статский, рассматривая с большим вниманием свои бледные и тонкие пальцы.

– А что, за ней, я думаю, можно приволкнуться? – спросил офицер с серебряными эполетами.

Герой рассказа проглотил бисквит и подумал: «Ах, и в самом деле! Она очень недурна: такая кругленькая; муж у нее все в карты играет, волосы у него с проседью, одевается он не по моде. Не съездить ли мне сегодня к ним с визитом?..»

– У Катерины Ивановны, надо отдать ей справедливость, прекрасные плечи, – сказал офицер с золотыми эполетами, – но уж все не то, что у Маши... У Маши все жилки на шее видны, такая нежность!

– Господа, посмотрите, вон там у окна какой жалкий чиновник сидит, – сказал офицер с серебряными эполетами, – какой смешной народ эти чиновники!

Офицер начал свистеть и, насмешливо улыбаясь, несколько раз прошелся мимо чиновника, осматривая его с ног до головы...

Герой рассказа засмеялся.

– А ты чего смеешься? – сказал офицер с золотыми эполетами, – разве ты не чиновник?

– Какой же я, мон-шер, чиновник? я и в департамент никогда не езжу, я только числюсь...

– Четвертый в начале, – сказал статский, – мне пора... – Он закашлялся, допил свою сахарную воду и ушел.

– Терпеть не могу этого пискуна! – произнес офицер с золотыми эполетами, провожая глазами статского, – с ним как-то и разговоров не находишь. Все ему не нравится, все не по нем...

– Нет, мон-шер, – заметил герой рассказа, смотрясь в зеркало, – он немножко чудак, но, говорят, везде путешествовал; он здесь везде принят в лучших домах и одевается недурно... Пройдемся-ка по Невскому...

– Пожалуй, братец.

– И я пойду с вами! – закричал офицер с серебряными эполетами.

Дойдя до Адмиралтейской площади, герой рассказа простился с офицерами, сел в сани и поехал к Бобыниным. Дорогой он все мечтал о Катерине Ивановне и окончательно решился волочиться за нею. «С нынешнего же дня приступлю, – думал он, – кто знает, может быть... Ненавижу ухаживать за девицами... Нынче в большом свете все волочатся за дамами, на девиц никто и смотреть не хочет... Я прежде не так хорошо мазурку танцевал... ну, а теперь, после десятого урока, совсем не то... Много значит хорошо танцевать мазурку!»

Когда он вошел в переднюю к Бобыниным, было без пяти минут четыре часа – в самую пору: в большом свете всегда ездят с визитами в четыре часа.

– Дома Дмитрий Васильич?

– Сейчас приехали.

– А Катерина Ивановна?

– Дома-с.

Он сбросил с себя пальто, отряхнулся, натянул на руку желтую перчатку и, приняв вид рассеянный и беззаботный, вошел в залу.

В зале никого нет. Зала недурная; четыре кадрили сряду могут установиться; паркет прескользящий; зеркала до потолка; на стенах большие портреты хозяина и хозяйки в богатых золоченых рамах...

И ее портрет!.. Она изображена почти во весь рост, в саду, с открытой грудью, в лиловом платье, с фероньеркой на лбу и в малиновом берете с пером; возле нее двухлетняя дочь, на которую она смотрит с нежностью.

Молодой человек, в ожидании оригинала, занялся рассматриванием портрета.

Какое сходство!.. карие глаза так и горят, черные волосы мелкими кудрями вырываются из-под берета и упадают до плеч, – а грудь полная, роскошная, а ротик маленький...

«Счастливцев этот Дмитрий Васильич! Нет, впрочем, что за радость быть мужем? Гораздо приятнее...»

На этом слове Дмитрий Васильич прервал размышления молодого человека. Он вошел в залу.

Дмитрий Васильич десять лет перед этим служил в каком-то пехотном полку, кажется, в Моршанске; все его богатство заключалось, кроме мундира и сюртука, в паре сапог, в черешневом коротеньком чубуке да в чемодане из желтой кожи; он считался в полку умным человеком: ему полковой командир всегда протягивал руку и говорил ты с особенною нежностью. Дмитрий Васильич носил очки и читал русские газеты. Дослужившись до капитанского чина, он вышел в отставку и прямо в Петербург. В Петербурге он познакомился прежде всего с начальниками отделения; начальники отделения приняли его прекрасно: с ними он начал играть в вист по десяти рублей роббер; потом перешел к директорам – важный шаг; прошел месяц, им довольны и директора и жены директорские; прошел другой – он необходимое лицо в директорском висте, а вист по двадцати пяти рублей роббер и больше; прошел третий месяц – директора мигнули друг другу, указывая на него, посмотрели друг на друга и сказали: «Э-ге!» После этого э-ге его определили на очень выгодное, хоть и невидное место. Года через четыре он женился на генеральской дочке, за которой ничего не взял. Теперь у него есть до миллиона, по уверению многих; у него в квартире дорогие мебели и бронзы; у него щегольские лошади; он дает щегольские вечера и обеды, он ведет большую игру; он важное лицо в Благородном собрании, и ему хочется попасть в Английский клуб; его вы встретите на всех торгах и аукционах; к нему ездит генералитет, с ним под ручку прогуливаются капиталисты. Вы подумаете, взглянув на него, что он генерал, а в самом-то деле он только надворный советник; вы вообразите, что у него по крайней мере Владимир на шее, а у него Анна третьей степени... В задушевном словаре этого человека не много слов. Вот почти все они: купил, перекупил, продал, запродавал, обработал; но он любил рассуждать о литературе и политике, о высоком и прекрасном, о суете и ничтожестве жизни. Он действительно очень умный человек!

– А! – сказал протяжно Дмитрий Васильич молодому человеку, который раскланялся ему очень ловко, нисколько не хуже своего танцевального учителя, выставив, будто нечаянно, свою руку в желтой перчатке.

Дмитрий Васильич не пожал его руки, а прикоснулся чуть-чуть к его перчатке двумя пальцами.

– Очень рад вас видеть. Что, получаете ли письма от матушки? Здорова ли она?..

– Покорно вас благодарю. Она, слава богу, здорова...

– Что, как вы находите, похож портрет жены?

– Чрезвычайно.

– Я писал к вашей матушке, не хочет ли она продать мне свою деревню. Я даю ей хорошую цену. Что ей жить в провинции, право? Она приехала бы к вам, жить бы вместе с вами... Вам, я думаю, скучно без нее?

Молодой человек расправлял пальцы перчатки.

– Конечно-с.

– Катенька! – закричал Дмитрий Васильич, входя в гостиную. – Милости прошу к жене, – продолжал он, обращаясь к молодому человеку.

– Что, мой дружок? – послышался откуда-то звучный и томный голос.

«Точно соловей поет, – подумал молодой человек, – я и не заметил, что у нее такой приятный орган».

Дмитрий Васильич ушел, герой рассказа остался один.

Дверь из будуара в гостиную отворилась неслышно. Катерина Ивановна остановилась в дверях и увидела гостя.

– Ах!.. – Она как будто удивилась и присела...

– Как ваше здоровье? – спросил у нее молодой человек по-французски, подходя к ней.

– Я и не узнала вас, – сказала она с приятною улыбкою, сделав два шага вперед и поправляя брильянтовый крестик, который висел у нее на груди. – Где это вы были все время? Вас что-то не видно.

– Я очень виноват перед вами. Я ездил на охоту с князем... – Он запнулся: в эту минуту, как нарочно, ни одна княжеская фамилия не приходила ему в голову, хотя он всех почти князей, гуляющих по Невскому проспекту, знал в лицо. – Сегодня прекрасная погода... Вы не изволили гулять?

– Нет. – Она бросилась в кресла с кокетством и небрежно опустила на колени свои руки, разукрашенные богатыми кольцами. – Меня измучили балы. Четыре дня сряду я возвращалась домой в шесть часов утра. Вы не поверите, как это тяжело и скучно!

Молодой человек сел подле нее.

– По лицу вашему, однако, незаметно, чтоб вы были утомлены балами. Ваш цвет лица...

«Начало, кажется, недурно», – подумал он.

– Ваш цвет лица...

– Что же мой цвет лица?

– Так свеж, так...

– Это комплименты...

– Я никогда не говорю и не умею говорить комплиментов, я...

– Катенька! пора обедать, – сказал Дмитрий Васильич, входя и доглядывая на часы. – Вы обедаете с нами?..

– Нет-с.

Молодой человек вскочил со стула.

– Я только хотел узнать о вашем здоровье... мне еще надо заехать в два дома...

– Да помилуйте! кто же так поздно ездит с визитами? Оставайтесь-ка с нами. Кушанье сейчас подадут.

– Нет-с, я никак не могу... Молодой человек начал раскланиваться.

– Ну, как хотите! Когда будете писать к матушке, кланяйтесь ей от меня... А что, как идет ваша служба?

– Ничего, хорошо.

– Не забывайте нас, – сказала Катерина Ивановна, – Приезжайте к нам когда-нибудь запросто вечером. Я хочу отдохнуть несколько дней дома от шумной жизни...

«Очаровательная женщина! – подумал молодой человек, выходя в переднюю. – И как она смотрела на меня! И какая у нее ножка!.. Отчего это мне давно не пришло в голову?.. Что ж! все равно, и теперь еще можно... Она обращает на меня особенное внимание... Недурно, черт возьми! Приезжайте запросто вечером! Это много значит, это не всякому говорится; а муж пресмешной! Что за вопросы предлагает: о маменьке, о службе! Разве я мальчик, только что вышедший из школы! И удивляется, что поздно с визитами ежу, – а еще живет в свете! Не в первом же часу делать визиты!.. Хорошо, что я не остался обедать: как можно остаться обедать в сюртуке! В сюртуке только выезжают по утрам, а к обеду надевают фраки...»

Как истинный онагр, молодой человек превосходно знал все обычаи, переходящие из большого в маленький свет, и ни в каком случае не позволял себе уклоняться от них. С благоговением неизобразимым, с чувством робким и трепетным смотрел он на львов, с которыми встречался на улицах и в трактирах, и усиливался рабски подражать им во всем.

Всем и каждому известно, что цари высшего парижского общества, некогда называвшиеся: *hommes a bonnes fortunes, incroyables, dandy, fashionables* и так далее, теперь носят страшные имена львов. Всем также известно, что мы, русские, имеем претензию на европейскую внешность, что мы с изумительною быстротою перенимаем все парижские и лондонские странности и прихоти. Вследствие этого у нас были некогда денди и фешенебли, теперь у нас есть и «львы». С Санкт-Петербургским «львом» вы уже знакомы; но дело не в том. Я не знаю, слышали

ль вы очень любопытную новость? Недавно какой-то остроумный господин в Париже изобрел название для тамошних царьков среднего общества. Это название прекрасное и звучное: онагр! Оно было принято парижанами с восторгом и тотчас вошло во всеобщее употребление. Оно – в этом почти нельзя сомневаться – перейдет и к нам, и мы скоро привыкнем к нему, как привыкли к странным прозваниям «львов».

В Петербурге очень много «онагров», несравненно более, чем «львов».

Санкт-петербургские «онагры», по-моему, гораздо любопытнее Санкт-петербургских «львов». Не знаю, даст ли этот слабый очерк хоть небольшое понятие о том, что такое Санкт-петербургский онагр.

Глава II

Деревенские мысли и столичные мечты. – Вечер Онагра

Онагр от Бобыниных приехал домой, бросился на диван и, полный любовного волнения и таинственных предчувствий, с большим восторгом пропел куплет из какого-то водевиля:

И с страстью чистою, сердечной
Я буду век ее любить,
А без любви взаимной, вечной
Я не могу счастливым быть!

Он повторна: «Я не могу счастливым быть!» – и закричал:

– Гришка!

– Что-с?

– Сбегай поскорей в трактир за обедом. (Я что-то проголодался.) Возьми также в погребе бутылку красного вина. (Теперь я без вина решительно не могу обедать. Если бы деньги, всякий день пил бы шампанское. Ах, если бы деньги!..) Ну что ж ты, урод, стоишь?

– Я забыл вам доложить, – сказал Гришка, почесывая в затылке, – к вам письмо, сударь, с почты принесли.

– Письмо, а не посылку? от кого же письмо?

– Не знаю-с; кажется, от маменьки-с.

– Ну, подай же его да принеси свечку, и пошел за обедом.

– Пожалуйте деньги-с.

– Возьми в кошельке, болван; вон кошелек на столе.

Гришка подал барину письмо и свечу, взял деньги, отложил из них двугривенный в свой карман и ушел. Барин распечатал письмо и прочел:

«Друг мой бесценный Петенька. Благодарю тебя, мой ангел, за то, что не забываешь меня: три письма твои одно за другим вскоре я получила и целую тебя заочно. Ты знаешь, что у меня не осталось другого сокровища на земле, кроме тебя, после кончины незабвенного моего мужа, потерю которого я и до могилы не забуду. Письма твои единственная моя отрада в жизни. Не жили бы мы в разлуке с тобой, голубчик, если б богу угодно было продлить дни Александра Ермолаича. Он теперь, верно, имел бы генеральский чин и получал бы большие оклады, а я за ним не знала бы никаких хлопот, и все бы жили в Петербурге. И я провела бы старость спокойно! Впрочем, на все воля божия: кому определена смерть, тот непременно умрет. Совесть моя в отношении к тебе, дружочек, спокойна; я пожертвовала для тебя всею моею жизнью. По смерти отца твоего за меня сватались хорошие женихи с чинами и с состоянием: я отказала им с тою целию, чтобы иметь о тебе попечение и сохранить для тебя небольшое именье, полученное мною в приданое. Сколько лет уже я живу в деревне и забила в глушь, чтобы скопить тебе хоть немного деньжонок, да неурожаи последних годов уничтожили все мои планы. Нечего делать, надо покориться всемогущей воле и переносить все без ропота...»

Молодой человек немного нахмурился; рука его, державшая письмо, опустилась, и он подумал:

«Гм!.. Уж эти проклятые неурожаи! И отчего они? Когда я вырос и когда мне нужны деньги – так тут, нарочно, неурожаи! И пришла же маменьке мысль копить деньги... Лучше бы присылала мне больше. Здесь нельзя жить в свете без денет. Сунься-ка попросить в долг! под залог, говорят, пожалуйста... А что я дам под залог? У меня и теперь ни гроша нет: что ж я буду делать?»

После этого размышления он опять принялся за чтение письма:

«Тяжела деревенская жизнь: везде надо свой глаз, на старосту надежда плохая. У меня недавно поставлен новый староста Ильюшка, брат Ваньки – Григорьева сына; Мирошку же я сменила за грубость. Признаюсь, и сил недостает мне, слабой женщине, управляться с крестьянами: такая вольница, все перебаловались, только по вечерам отдыхаю. Спасибо соседям, не забывают; всех чаще у меня бывает Фекла Ниловна, – ты ее знаешь, прелюбезная дама, образованная, и жила в Петербурге, всех знает, презабавные анекдоты рассказывает; с нею не соскучишься... Она вспоминает об тебе, говорит, что любит тебя душевно: тот же, кто любит тебя, мил всегда моему сердцу. Если бы по милости божией ты получил хорошее и прочное место по службе, это меня утешило бы. С удовольствием вижу, по письмам твоим, что тебя начальники отличают от других; так и должно было ожидать: ты воспитан, как немногие, в лучшей петербургской гимназии, где воспитываются всё дети известных благородных фамилий. Для того чтоб сделать тебя человеком, я не щадила денег и лишила себя необходимого. Ты, кроме обыкновенного ученья, и приватные уроки брал, и нынче берешь уроки у танцевального учителя. Это хорошо, друг мой; в свете надо быть ловким. Пожалуйста, сердце мое, будь всегда на глазах у начальства, угождай всем, не забывай именин и рожденья своего директора и директорши, ласкайся ко всем; этим ты ничего не проиграешь; поверь мне, ищи в людях, – люди нужны. Особенно не забывай Дмитрия Васильевича Бобынина; говорят, он в большой силе у вас в Петербурге и живет как вельможа. Съезди к нему нарочно по получении сего письма и поклонись от меня; скажи ему, что все люблю его по-прежнему, как родного брата. Он писал ко мне, что хочет купить мою деревню с переводом долга, но предлагает за нее самую ничтожную сумму. Об этом ему ни слова не говори, будто ничего не знаешь, а я не замедлю отвечать ему сама... Правду говорят, что чем люди богаче, тем скупее. Супруги его не имею удовольствия знать, а говорят, прелестная, самого лучшего тона дама...»

Герой наш при этих словах протянулся на диване с выражением самодовольствия и неги, снял со свечи и сказал:

– Прелестная... мало этого – просто душа!.. Да что ж маменька об деньгах-то ничего не пишет? Посмотрим далее.

«...Я Дмитрия Васильича помню, как он еще был офицером и не имел ничего. Уж и тогда многие почему-то пророчили, что он пойдет далеко. Слухи носят, что он нажил свое богатство нечестно, да ты этому не верь, это говорят вольнодумцы, друг мой, и никогда об этом ни с кем не говори. Если бы и точно слухи эти были справедливы, то нам до этого дела нет: с ним знаются люди и повыше нас и уважают его, так мы не должны умничать; к тому же Дмитрий Васильич тебе всегда пригодится, как человек с связями. Приятно мне было между прочим читать в письме твоём, что ты находишься в самом лучшем обществе и в коротких отношениях с князьями и графами; только, глядя на них, не кидай, бога ради, деньги и помни, что у них у всех золотые рудники, а у нас с тобой только четыреста душ, и те заложенные. Правда, у тебя есть, как ты пишешь, дядюшка, от которого после смерти достанется тебе тысяча восемьсот душ, но в животе и смерти бог волен: мы видим ежедневно примеры, что молодые умирают, а старые живут... Да продлит бог дни твои, голубчик, к моему утешению; я это говорю только к тому, что, надеясь на чужое неверное, нельзя проживать свое верное. Братцу еще только пятьдесят семь лет; он очень крепок в своем здоровье. Он дал мне за мою Агашку шестьсот рублей. Теперь за мной ходит Лизка, дочь Евграшки-повара: девка добрая, старательная и безответная. Знаешь, что мне пришло в голову: не послужит ли твое знакомство с детьми вельмож в твою пользу? нельзя ли тебе через них как-нибудь постараться, чтоб тебя произвели в камер-юнкеры? А деньги на мундир я как-нибудь сколочу. Тогда бы твой карьер был сделан, и дядюшка смотрел бы на тебя другими глазами. (Пиши к нему чаще и понежнее.) Что заговорили бы у нас в губернии, если б это случилось! Мысль, что сын мой достиг до такой высоты,

сделала бы меня вполне счастливою. Стану молиться об этом богу: авось создатель услышит мои грешные молитвы...»

«Что, в самом деле? – подумал молодой человек. – у маменьки недурна мысль! Ах, если б в камер-юнкеры! У! Я стал бы тотчас выезжать в первые дома, все к князьям и посланникам, на Английскую набережную.. Вот тогда бы пройтись по Невскому-то! Я начал бы непременно ухаживать за княгиней Е*: она прехорошенькая. И какая у нее походка!.. Она гуляет по набережной, так, едва-едва прикасаясь ножками к плитам, а следок у нее узенький и ножка крошечная!.. Я познакомился бы со всеми здешними львами... Тогда уж не я волочился бы за Катериной Ивановной, а она волочилась бы за мною... Вхожу в мраморную или в атласную залу; там кипит народ... Я пробираюсь между генералами...»

– Кушать, сударь, готово, – сказал Гришка, – я взял двухрублевый обед.

– В каком трактире?

– В «Неаполе» – с.

– Вот мерзость! Я такого трактира и не слыхивал, Я думаю, есть ничего нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.